

РАЗБЕГАНИЕ КАК ГЕН РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Тенденция к разбеганию – едва ли не главный ген русской интеллигенции.

Уже с 1844 г. лейтмотивом отношений между славянофилами и западниками становится сакраментальная фраза «Неистового»: «Плюю в лицо всем Хомяковым, и будь проклят, кто осудит меня за это»¹.

Это расставание стало первым в среде образованного меньшинства. Всего через пару лет начинают размежеваться западники. Белинский, Герцен, Огарев – эволюционируют к материализму, атеизму и социализму. Так же, как и в случае с Бакуниным, вновь обращенные с теургическим беспокойством, подлинно религиозным рвением начинают проповедовать философские, социальные и политические доктрины, причем Герцен и Огарев выступают родоначальниками русского «крестьянского» социализма, сближающего их со славянофилами в понимании русского сельского мира.

Камнем преткновения на дороге дружбы Герцена и Грановского оказался вопрос личного бессмертия. Суть этих споров и момент их разрешения (или принципиальной неразрешимости), думается, важны и для осознания неизбежности интеллектуальной глухоты между славянофилами и западниками: очевидно, что когда в дело вступают оценочные суждения и принципы, которые всегда априорны, консенсус возможен только как право на сосуществование чуждых точек зрения.

Рассказывая о дачном сезоне 1846 г., который Герцен, Кетчер, Огарев, Грановский проводили в Соколово, Герцен невольно убеждает нас в объективно провокационной роли, которую сыграл. Если Грановский, истинный либерал, ценил в герценовских письмах об изучении природы остроту и живость в постановке проблем, не соглашаясь с их внутренним смыслом, но и не пытаясь разрешить их раз и навсегда, понимая односторонность, историчность ответов, то его оппонент был озабочен не процессом, а результатом. Герцен задает вопрос:

«Неужели же нет никакого мерила истины и мы будим людей только для того, чтобы им сказать пустяки?» Продолжение разговора: «Наконец я заметил, что развитие науки, что современное состояние ее обязывает нас к принятию кой-каких истин, незави-

симо от того, хотим мы или нет; что, однажды узнанные, они перестают быть историческими загадками, а делаются просто неопровержимыми фактами сознания, как Эвклидовы теоремы, как Кеплеровы законы, как нераздельность причины и действия, духа и материи.

– Все это так мало обязательно, – возразил Грановский, слегка изменившись в лице, – что я никогда не приму вашей сухой, холодной мысли единства духа и тела; с ней исчезает бессмертие души. Может, вам его не надобно, но я слишком много схоронил, чтоб поступиться этой верой. Личное бессмертие мне необходимо.

– Подумай, Грановский, – прибавил Огарев, – ведь это своего рода бегство от несчастья.

– Послушайте, – возразил Грановский, бледный и придавая себе вид постороннего, – вы меня искренне обяжете, если не будете никогда со мной говорить об этих предметах»². Единственный результат всего этого – трещина в дружеской хранине.

Религия не стала единственным, что разделило друзей. Как это часто бывает, диссидентство закончилось выбором новой веры, и служение новому божеству было тем беззаветней, чем безогляднее – отречение. Что же представлял собой этот новый кумир? – «Артель и сельская община, раздел прибýtка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, управляющиеся сами собой» и все это – под соусом фурыеристского социализма³.

Герцен настаивал, что последовательно проводимый либерализм с неизбежностью ведет к социализму. Однако Грановский не соглашался. Его либерализм персоналистичен, он отвергает все, что сковывает свободное развитие человека: артельную организацию работ; артельное житье; общественное управление капиталом, собственностью вообще. По мнению Грановского, преобразования, устраняющие ограничения к развитию личности, лежат не в социально-экономической, а в политической сфере. Отсюда критика Мюнцера и мюнцеровской общины, критика социализма: «Социализм чрезвычайно вреден тем, что приучает отыскивать разрешение задач общественной жизни не на политической арене, которую презирает, а в стороне от нее, чем и себя и ее подрывает»⁴.

Еще один оселок, на котором проверялось русское общество – французская революция. Если Грановский принципиально не отвергал суверенное право французов отстаивать свою свободу, более того, считал реальным достижение равенства и братства, когда завоевана свобода, то это не значит, что он был в восторге от

революции и революционеров. Исповедовавший «гуманную терпимость» русский либерал сочувствовал заглядывавшим в будущее жирондистам, с их идейной терпимостью, склонностью к компромиссам, боязнью крайних мер. Его выбор – не революция, а реформы. Естественно, он не принимал Робеспьера и считал его мелким человеком. «Неистовый» Белинский восхищался и Робеспьером, и Сен-Жюстом.

Как видим, год за годом некогда единый стан западников подвергался все новым испытаниям, и большая и главная их часть генерировалась их собственной средой. Внешние неблагоприятные события могли воздействовать на партию двояко: при внутреннем единстве – закалять, при трениях и трещинках – разрушать. Кружок западников рушился. Из-за скандальной «крыловской истории», когда предательство одного повлекло отставку многих, не желающих иметь с ним дело: попечителя московского учебного округа С. Г. Строганова, профессоров Е. Ф. Корша, К. Д. Кавелина, П. Г. Редкина: из-за похолодания интеллектуального российского климата, вызванного ветрами очередной европейской революции, когда сводили на нет университетскую автономию, запрещали научные командировки, не выписывали книги, сокращали прием студентов, усиливали цензуру и т. д. и т. п., когда С. С. Уваров, вставший на защиту университетов, подал в отставку и был заменен П. А. Ширинским-Шахматовым, вызвавшим воспоминания о своих разбойных предках.

Во всей этой кутерьме Грановский мог бы пострадать и лично. По предписанию московского генерал-губернатора А. А. Закревского, он, вместе с П. Н. Кудрявцевым, попал под надзор полиции, а в декабре 1849 г. появилось дело «О профессоре Грановском и шуме, происшедшем при защите диссертации». То, что в лекциях профессора не упоминалось о воле и руке Божией, предопределило меру пресечения: встречу и объяснения с московским митрополитом Филаретом. Впрочем, святитель оказался наравне с веком и благословил западника.

Благословение Грановскому было необходимо, но помочь не смогло. Близость с «новыми» западниками: С. М. Соловьевым, М. Н. Катковым, П. М. Леонтьевым, П. Н. Кудрявцевым, С. Д. Шестаковым, О. И. Пеховским – не получалась. Им явно не хватало идеализма. Он для них был слишком разбросан, попусту тратил талант и время. Любимая история вновь становилась Атлантидой, и Гегель уже не был ее мерой. Европа, так много обещавшая, отве-

тила новыми драмами и насилием. Крымская война, столь несчастная для русского сердца, язвила не только своей горечью, но и диким пораженчеством известных западников М. Н. Каткова и А. Ф. Галахова: печоринское сладострастие было оскорблением для человека, желавшего умереть за отчизну.

Как бы то ни было, военные поражения вызвали очередную оттепель: честный, образованный и добрый А. С. Норов принял министерство; столетие Московского университета было встречено громко, как то и подобало. Весной 1855 г. Грановский стал деканом исторического факультета. Казалось, наступило время свершающихся надежд. Но нет! В письме Кавелину (как тут не вспомнить «зависть» Грановского к «своевременной» смерти Белинского) следует горькое признание: «Не только Петр Великий был бы нам полезен теперь, но даже палка его, учившая русского дурака уму-разуму. Со всех сторон беда; нехорошо и снаружи, и внутри, а ни общество, ни литература не отзываются на это положение разумным словом. Московское общество страшно восстает против правительства, обвиняет его во всех неудачах и при том обнаруживает, что стоит несравненно ниже правительства по пониманию вещей»⁵. Эта тоска, порождаемая пониманием разлада между интеллигенцией и властью и невозможности конструктивной работы без союза с правительством, во вред ему, протянулась через Грановского от Пушкина («в России единственный европеец – это правительство») до «веховцев».

Грановскому не было суждено успеть что-то сделать как декану. 4 октября 1855 г. Тимофея Николаевича Грановского не стало. Три дня Москва прощалась со своим кумиром. Шесть верст до Пятницкого кладбища несли на плечах свою скорбную ношу студенты.

Если тело Грановского успокоилось, то этого нельзя сказать о его мятущейся душе. Он умер, одолеваемый сомнениями, возможно, на пути каких-то открытий, которых все же не случилось. Думается, это весьма символично для русского либерализма: подобно своему замечательному зачинателю, он так и остался больше ожиданием, чем свершением.

Примечания

1. *Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 9. Письма 1829–1848 гг. М., 1982. С. 128.
2. *Герцен А. И.* Собр. соч. : в 8 т. М., 1875. Т. 5. С. 285.
3. Там же. С. 228.
4. *Грановский Т. Н.* Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья. Т. 2. 177–178.
5. *Грановский Т. Н.* Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 456.